

Лилия
Волкова

ВСЕМ ВЫИТИ ИЗ КАДРА!

Рисунки Екатерины Глейзер

Лилия Волкова

Всем выйти из кадра!

«Абрикос»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Волкова Л.

Всем выйти из кадра! / Л. Волкова — «Абрикос», 2019

ISBN 978-5-6047270-5-8

Как жить, если твоего лучшего друга навсегда увезли на другой континент? После отъезда Димки мир Матвея словно разваливается на куски: родители его не понимают, старший брат без конца троллит, одни одноклассники насмеваются, другие пытаются подчинить своей воле. В отчаянии Матвей решает бросить школу. Неожиданно брат приходит на помощь и устраивает Матвея на работу в телецентр. Начинается новая, интересная, хоть и непростая жизнь – с суетой, грузом ответственности, новыми проблемами и новыми знакомствами, далеко не всегда приятными. Однажды, защищая девушку, которая стала ему настоящим другом, Матвей изо всех сил натягивает тетиву арбалета...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6047270-5-8

© Волкова Л., 2019

© Абрикос, 2019

Содержание

Глава 1. Хорёк	6
Глава 2. Чай	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лилия Волкова

Всем выйти из кадра!

© Л. Волкова, 2019

© Е. В. Глейзер, 2021

© ООО «Издательство «Абрикос», 2023

* * *

Глава 1. Хорёк

то это воняет? – в кадр входит Илья.

– Хорёк.

– Сам ты хорёк. – По Илье никогда не поймёшь, говорит он всерьёз или шутит, обиделся по-настоящему или просто троллит.

– Да не ты хорёк, а в студию сегодня приходил хорёк, точнее, его хозяйка приносила. Смешной такой, пушистый. – Матвей сидит за кухонным столом, доедает картошку, а котлета уже кончилась.

– Кто пушистый? – в кадр входит мама.

– Хорёк. – Матвей вздыхает. Ну, сейчас начнётся!

– Никаких хорьков в моём доме! Только хорьков мне ещё не хватает в придачу к вам троим! А кто гулять с ним будет? А кормить? Опять всё свалится на меня? – Мама во всём видит проблему и пугается заранее, ещё до того, как эта самая проблема – любая, пусть даже несуществующий хорёк – свалилась ей на голову.

– А у меня в детстве конструктор был – такой, из алюминиевых палочек с дырками и всяких гаек с болтами, – в кадр входит папа.

Он всегда брякает невпопад, говорит что-нибудь, совсем не связанное с темой разговора. «Ты опять в своих эмпириях витаешь», – отвечает в таких случаях мама и гладит папу по плечу. Что такое «эмпиреи», Матвей точно не знает. Столько раз собирался загуглить, но забывал. С другой стороны, какая разница? Главное, что папа там витает.

– Пап, ну при чём тут конструктор?

Папа Матвея Илье на самом деле не отец. Когда папа женился на маме, то усыновил Илью, поэтому тот и называет папу «папой». Но Матвею часто кажется, что они оба всегда помнят, что друг другу не родные. Что просто играют в игру – может, ради мамы или потому, что так проще всем без исключения.

– Мне хомья не разрешили и рыбок тоже, зато купили конструктор. А что, у нас будет жить хорёк? Зачем нам хорёк? А чем здесь пахнет? Точно не котлетами.

– Хорёк – только через мой труп! Выбирайте – я или хорёк, только не забудьте, что он вряд ли будет жарить вам котлеты!

– Мам, ради котлет мы готовы отказаться от хорька, даже если Мотька его уже принёс и прячет за пазухой. Мотька, а ну быстро показывай пазуху!

Ничего он показывать не стал. Сидел в любимом углу, между столом и холодильником, жевал сухую картошку (поленился положить масло), представлял, как выглядела бы их кухня на мониторе телекамеры. С тех пор, как его взяли работать на телевидение, это стало его любимым развлечением.

На кухне, конечно, места маловато, не сравнить с телестудией, в которой поместилось бы, наверное, штук сто таких квартир, как их трёшка. Но если поставить камеру вон в том углу, то будет видно окно, цветастую штору, а за ней – огромный столетник, у которого есть собственное имя – Патриарх. Мама заботится о Патриархе не меньше, чем о людях, и даже разговаривает с ним. Спрашивает, как дела, хочет ли он пить, извиняется, если заденет шторой. Цветок вырастила мамина мама, бабушка Ильи и Матвея, и Патриарх – единственное, что осталось от неё на память. К тому же этот столетник – единственное растение, которое умудряется не сдохнуть от маминой заботы. Мама, правда, умеет признавать свои недостатки:

«У нас в доме может выжить только Патриарх и тот, кто способен сам достать еду из холодильника». Матвей может, Илья тоже. Папа справляется хуже (из-за того, что витает), поэтому мама обычно кормит его сама.

Вот и сейчас она положила на большую тарелку картошку с маслом и котлету и поставила разогревать в микроволновку. Чтобы это увидеть, надо чуть сдвинуть воображаемую камеру, но тут же вернуть обратно, направив видеоискатель на Матвея, папу и Илью, сидящих за столом.

После общего плана должен идти средний, потом крупный. Пусть это будут папины руки: тёмные, будто загорелые, с крепкими пальцами, всегда покрытыми ожогами и царапинами. Он конструирует разные приборы и часто сам их собирает или ремонтирует. Куча патентов и свидетельств об изобретениях висят в рамках на стенах комнаты, которая выполняет три роли одновременно: папиного кабинета, гостиной и родительской спальни.

В бывшем папином кабинете теперь живёт Матвей, уже целый год – после того, как Илья потребовал, чтобы ему выделили отдельную комнату.

– Мне двадцать пять лет, и я имею право на личную жизнь! Мне даже девушку некуда привести!

– У тебя есть девушка? – заволновалась мама. – А как её зовут? Почему ты нас с ней не познакомил? А чем она занимается? Вы вместе работаете?

– Нет у меня никакой девушки, потому что нет отдельной комнаты. – Илья, когда хочет, может быть очень убедительным.

Кстати, за прошедший год Илья так никого и не привёл. Он часто возвращается с работы поздно, но не похоже, чтобы кого-нибудь проводил в квартиру тайком. Даже если Илья и его девушка будут ползти по коридору по-пластунски, мама всё равно услышит: слух у неё как у овчарки. Если Матвей чихает в своей комнате, то мама несётся к закрытой двери, врывается без стука и спрашивает тревожным голосом:

– Мотька, что с тобой? Ты в порядке? Не простудился?

Стоит ему заболеть на самом деле, мама вступает на тропу войны. Микробы и вирусы дохнут от одного вида стола, заваленного каплями, микстурами, таблетками и пастилками для сосания. Матвею иногда кажется, что мама в своей яростной борьбе с болезнью может нечаянно угробить и его самого, поэтому старается выздороветь как можно быстрее или хотя бы сделать вид.

– Мотька, что-то у тебя вид какой-то бледный. – Мама убрала стоящую перед папой пустую тарелку, поставила на освободившееся место чашку с чаем и протянула руку ко лбу Матвея.

– Нормально, устал просто, – он увернулся.

– Матвей у нас теперь рабочий человек. На вот, подкрепи силы, – папа протянул ему пряник.

– Не хочу.

– Мотька, ты отказываешься от пряника?! – Илья расширил глаза, которые из-за толстых линз в очках казались ещё больше. – Значит, точно заболел!

– Хороший, вкусный. – Папа одним махом откусил полпряника. – Только пахнет странно. Или это не он?

Матвей запаха не чувствовал. Хорьковая хозяйка сказала, что зверушкам удаляют какие-то железы, чтоб они не воняли. Бедный хорёк. В студии ему, кажется, совсем не понравилось, он испугался яркого света и незнакомых людей. Наверное, потому и попытался откусить ведущей ухо вместе с серьгой.

Эта самая ведущая, Оксана, Матвею не нравилась. Была она какая-то искусственная, как резиновый мармелад кислотного цвета. Когда хорёк тяпнул Оксану за ухо, она взвизгнула так, будто ей голову отгрызли, хотя Матвей потом видел: никакой крови там и в помине не было. Пришлось, правда, сделать ещё один дубль, и под конец интервью хорёк совсем устал и висел на руках у владелицы вялой меховой тряпкой. Когда Матвей провожал их, то попросил разрешения подержать хорька на руках и нёс его всю дорогу до выхода из телецентра, прижимая к груди тёплое пушистое тельце.

– Мотька, утром я тебе оставлю на столе два яйца и бутерброд с сыром, а на обед возьмишь в холодильнике лоток с котлетами. Как раз две штуки осталось. – Мама металась по кухне, убирала, протирала, мыла и всё время вываливалась из кадра.

– Ага, пряники папе, последние котлеты – Мотьке. А я? Я что, хуже всех? – Опять Илья то ли придуривается, то ли в самом деле обижается.

– Ты в столовую сходишь. – По вечерам мама шуток не понимала совсем. – Мотя, ты сегодня занимался?

– Кстати, да! – Илья приободрился. – Не забудь, мы договорились: ты работаешь, только пока вовремя сдаёшь все зачёты! Или как там они называются? И сказал бы хоть, нравится тебе там или нет?

Отвратная манера у этих взрослых: сделать что-нибудь хорошее, а потом всё время напоминать, попрекать и отравлять удовольствие. Купят новые кроссы – в дождь не носи, по грязи не ходи и вообще не забывай, сколько они стоят. Телефон сдох? Ок, купим новый, только не этот, а тот, потому что мне сказали (кто?!), что он лучше. За столом не пользуйся, в кармане не носи и не забывай звонить каждые пять минут, а то я волнуюсь (телефон только для этого и нужен, ага). На работу устроили – веди себя прилично, не обмани доверие. И благодари, благодари, благодари при каждой возможности!

– Нравится. Спасибо. – Матвей встал из-за стола. – С зачётами «или как их там» всё нормально, заниматься сейчас пойду.

Мама несколько месяцев назад прочитала какую-то статью в интернете, посмотрелась роликов про то, как гаджеты разобщают, и придумала новое правило. На столе у входа на кухню

стояла пластиковая коробка, куда перед ужином или обедом каждый входящий должен был положить телефон, предварительно выключив звук.

Чтобы сделать маме приятное, все согласились. Но потом Илья под предлогом, что ему могут позвонить с работы, перестал. Папа свой смартфон вообще оставлял где попало, даже до кухни не доносил (в эмпиреях телефоны, судя по всему, не предмет первой необходимости). Маме на кухне было не до разговоров, так что пострадавшим оказался только Матвей.

– И как ты собираешься заниматься с телефоном в руке? – Выходя из кухни, Матвей сунул руку в коробку, где одиноко лежал его смартфон, и мама тут же перешла в режим воспитательной готовности.

– Я только посмотрю, Димон ответил или нет.

– Ну ладно. Обещай, что не будешь долго пялиться в экран, а возьмёшься за учебники.

– Угу.

Вот ещё жуть: как легко взрослые верят обещаниям. Обещай – обещаю. Не будешь – не буду. Не то чтобы Матвей специально собирался врать, но всё равно – детский сад какой-то, а не отношения взрослых людей.

– Как там Дима, кстати? – крикнула мама в спину Матвею. – В порядке?

– Да-да, мне тоже интересно, как Деймон поживает. – Папа, оказывается, помнит их общее с Димом прозвище.

С первого сентября первого класса дружат. Димон толкнул Матвея, когда строились на линейке, – не специально, его самого какой-то лось старшеклассник пихнул. Матвей упал, Димон помог ему подняться – и всё. Сидели за одной партой, после школы во дворе гоняли. Вообще всё вместе, всё-всё-всё. Они и в классе-то больше ни с кем не общались толком. А зачем? Самодостаточная и замкнутая экологическая система, как на острове в океане. Настоящая мужская дружба. Когда Димон в Соню из параллельного влюбился, Матвей не стал говорить, что у неё волосы жидкие и ноги кривые. Димон сам это понял, примерно через неделю, когда увидел, как Соня тусит с одноклассником, придурком с оттопыренными ушами. Это давно было, то ли в пятом, то ли в шестом классе, сейчас и вспоминать смешно.

Примерно тогда же у них появилось общее прозвище. Его придумала историчка – молодая и весёлая. Они с Димом опоздали с перемены и несколько минут стояли у двери, пока историчка над ними насмеялась. Так, говорит, эти двое у нас всегда вместе. Приходят вместе, уходят вместе, опаздывают вместе. Может, вам и оценки на двоих ставить? Попролам делить. Если четвёрка, то каждому по два балла получится. Все ржали. А Димон сказал: нет, вы уж тогда нас в журнал в одну графу записывайте и ставьте не две пары, а одну четвёрку (Димон, кажется, никогда ничего не боялся, за это его некоторые учителя не любили, и в классе многие – тоже). А историчка говорит: ладно, но тогда вам и имя нужно одно на двоих. Подумала немного и сказала: вы у нас Матвей и Дима. Ага. Значит, будете Мэтт Деймон!

В журнале, конечно, они так и остались по отдельности: Дмитрий Агеенко и Матвей Палеев. Но прозвище всем понравилось: одноклассники, многие учителя, а потом даже родители стали их так называть. Они с Димом не возражали, особенно когда узнали, кто такой Мэтт Деймон. Оказалось – известный актёр, лауреат «Оскара», в куче отличных фильмов сыграл. Они потом пересмотрели все боевики и детективы с его участием. А теперь Мэтт здесь, а Деймон – на другом конце земли.

О том, что родители Димона собираются эмигрировать, разговор шёл сто лет. Ну, не сто. Лет семь точно. В самом начале Димон даже слово «эмигрировать» запомнить не мог, только говорил, что родители хотят уехать в другую страну и забрать его с собой. Матвей заранее расстроился, но время шло, а друг был на месте. Они уже решили, что обошлось. А то, что Димон несколько лет ездил заниматься к репетиторам, сначала по английскому, а потом ещё и по французскому, – так это и без эмиграции пригодится.

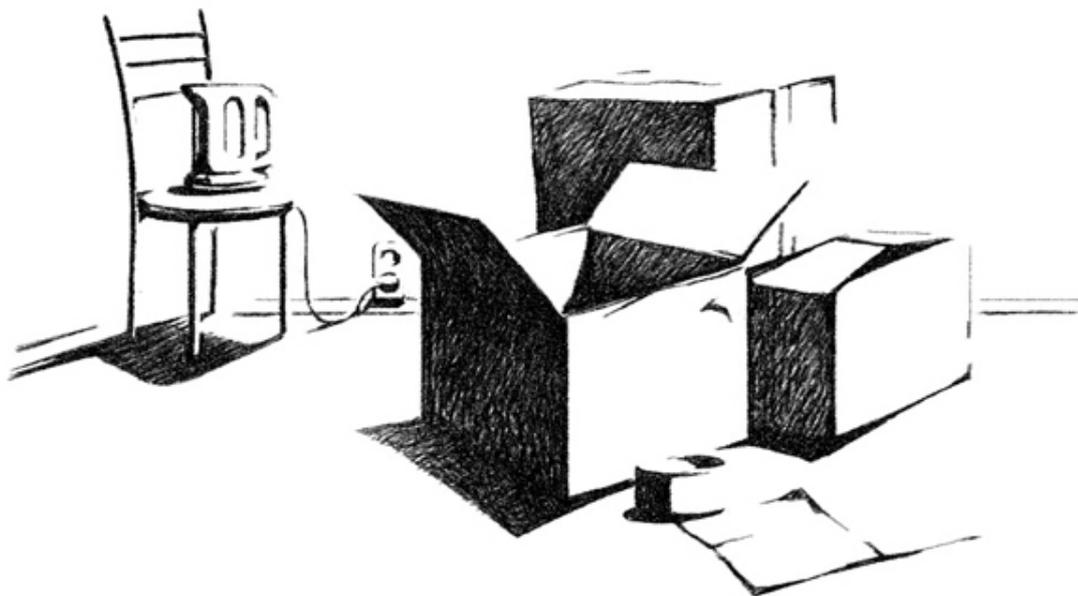
Катастрофа случилась, когда они совсем расслабились. Строили планы на лето, даже прикидывали, в какой институт поступать после школы – конечно, вместе (это ещё не скоро, но взрослые предусмотрительные люди всё продумывают заранее). Димон обещал помочь Матвею подтянуть учёбу, особенно математику. И тут Димка приходит (не предупредив заранее, как обычно), звонит в дверь и с порога бабахает: мы уезжаем через два месяца, уже визы дали! И лицо у него – как у Мэтта Деймона в той роли, где он с амнезией.

Они, кажется, вечность простояли в дверях, пока мама Матвея не позвала Димона в дом и не усадила обоих пить чай с пряниками (запас пряников у них есть всегда, одни съедают – мама следующий килограмм покупает).

Их потом ещё много раз кормили, поили и уговаривали – то дома у Матвея, то в квартире у Димона, откуда каждый день что-нибудь пропадало: диван, шкаф вместе с вазами и фужерами, кресла, вешалка из коридора. Посадят напротив – и давай вливать в уши: дескать, мир изменился, теперь неважны расстояния, есть мобильные и мессенджеры, можно созваниваться хоть каждый день или устраивать сеансы видеосвязи. А потом, когда вы немного подрастёте...

Про «подрастёте» особенно много говорили за три дня до отъезда. В квартире у Димона к тому времени почти ничего не осталось, только кровать, раскладушка и куча упакованных коробок и чемоданов. Квартиру тоже продали, новым жильцам осталось дожидаться, когда семья Димона уедет. И родители Матвея пригласили в гости всех Агеенко, чтобы попрощаться.

Пока ужинали, было ещё ничего. Матвей и Димон молчали, а старшие Агеенко рассказывали, что у папы уже есть работа, а у мамы назначено несколько собеседований; что жить они будут на окраине, но зато дом удобный, и школа для Димы совсем рядом, и что она очень хорошая и «сможет обеспечить его будущее».

Мама Матвея задавала уточняющие вопросы и всё время повторяла: «Какие вы молодцы! Как вы всё продумали! Я уверена, что всё будет хорошо!» А папа, хоть кивал и улыбался, снова витал и спросил только, какую собаку собираются завести Агеенко. Все растерялись: про собаку до этого никто не сказал ни слова.

– Но вы же будете жить в доме, где наверняка есть лужайка. Значит, и собаку нужно. Лучше большую, да? Лабрадора, например.

– Ну, может, и заведём, – согласилась мама Димона, скорее всего из вежливости.

Матвею вообще казалось, что старшие Агеенко только изображали радость и бодрость, а на самом деле им очень и очень страшно. Тут мама Матвея засуетилась и стала убирать тарелки, накрывать стол к чаю и попыталась взбодрить их с Димоном:

– Ну что вы такие кислые? Я понимаю, придётся привыкнуть, но дружба ваша никуда не денется, будете созваниваться, а потом, когда подрастёте...

Тут Димон и сорвался. Стал кричать, что его достали эти вечные «подрастёте»; что жить и быть счастливым ему нужно сейчас, а не через пять-десять-двадцать лет; что родители относятся к нему как к рабу или к чемодану – захотели увезти, взяли под мышку и увезли. Все за столом как заледенели, хотя было тепло, даже жарко. Только Димкин папа открыл на минуту рот, но так ничего и не сказал, а опустил голову и стал со звоном размешивать чай, в котором не было сахара.

О том, что было потом, вспоминать тяжелее всего. Потому что Димон, который в последний раз плакал во втором классе, когда потерял только что купленный простенький телефон, вдруг всхлипнул и заговорил умоляющим тоном:

– Можно я не поеду? Пожалуйста! Я знаю, что меня не с кем оставить, но я могу жить тут, у Мэтта! Мы и на одной кровати поместимся, да, Мэтт? Или можно купить матрас и спать на полу. Тётя Таня, дядя Саша, пожалуйста, разрешите мне пожить у вас! Я буду хорошо себя вести, честное слово, и Матвею с учёбой помогать. А родители будут присылать деньги, а потом я на работу устроюсь, а когда в институт поступлю – в общежитие перееду. Тётя Таня, дядя Саша, ну скажите им! Скажите, что вы разрешаете!..

Расхотелись молча. Димка пялился в стену, пока родители обувались, и вышел первым, коротко кивнув Матвею. А его маме и папе больше не сказал ни слова.

Сегодня, спустя три с половиной месяца после отъезда Агеенко, Матвей сидел за столом в своей комнате, тупо смотрел в телефон, где под его сообщениями так и не появилось отметки о прочтении. «ВКонтакте» Димона тоже не было, уже сутки. Может, с ним что-то случилось? Попал под машину, лежит в больнице весь в гипсе и поэтому ничего не может написать? Или он просто забыл про Матвея? Куча времени прошла, у Деймона появились новые друзья. Они там, рядом. С ними в любой момент можно сходить в кино, посмотреть ролики на ютьюбе, поиграть в футбол. Или в хоккей. Это ж всё-таки Канада.

Забыл. Наверняка. Матвей захлопнул учебник, который открыл десять минут назад, но так и не прочитал ни одного параграфа. Ну и пусть. Ладно. Он стянул джинсы, носки, снял футболку. От бордового трикотажа остро и опасно пахло хорьком.

Глава 2. Чай

отька, доел?

Сегодня на ужин рис и сосиски. Они слишком долго кипели: мама складывала бельё в стиральную машину и забыла про готовящийся ужин, так что теперь сосиски раздулись и изогнулись, как червяки. И рис переварен, размазня какая-то уродская. Хотя настоящая еда редко выглядит красиво. В одном видео на ютьюбе показано, как фотографируют еду и снимают рекламные ролики. Сметану там изображает клей ПВА, мясной фарш – нарезанная подкрашенная губка, а мороженое делают из смеси муки и жирного крема. Гадость. А все смотрят, верят и слюнки глотают.

– Моть? Устал? Бледный опять какой-то. И задержался сегодня, мы с папой уже поужинали, а Илюши нет до сих пор, – мама моет посуду, тревожно посматривая через плечо.

– Нормально я, просто поздно запись закончилась. – Матвей сунул в рот последний кусок сосиски и поставил тарелку в раковину.

– Чаю сам себе нальёшь? Возьми чашку. А пряники я сегодня шоколадные купила.

Опять пряники. Почему в их доме не бывает ни печенья, ни зефира какого-нибудь, ни пирогов? Пряники эти уже в глотку не лезут.

– Не хочу пряников, просто чаю попью. Мам, – Матвей сел за стол, – а сколько чашек чая ты можешь выпить подряд?

– А почему ты спрашиваешь? – голос у мамы усталый.

– Ну скажи. Потом объясню.

– Ладно. Смотря каких чашек. Если мою любимую, с маками, то, наверное, парочку осилю.

– А три? – Матвей всё-таки взял пряник, посмотрел на него, понюхал и положил обратно в пакет.

– А ты Патриарха, кстати, поливал сегодня?

– Нет, забыл.

– Ладно, я сама тогда. – Мама с бутылкой отстоянной воды подошла к окну, отодвинула штору, что-то зашептала столетнику.

– Мам! Ну скажи, три чашки выпьешь?

– Да почему ты спрашиваешь-то?

– Потому что сегодня к нам приходил человек, который может выпить семь чашек чая подряд!

Вообще-то у помощника администратора (именно такую должность занимал Матвей) не так уж много работы: принести-унести, встретить-проводить, расставить-протереть мебель в студии. Но поручение ему мог дать всякий, кто старше по должности, а значит, любой сотрудник программы. Чаще всего он помогал редакторам по гостям. Приглашённых людей приходилось сопровождать в гримёрку и до туалета, усаживать на положенное место в студии, поить чаем или кофе перед началом интервью.

Иногда гости отказывались от любого угощения, а просто сидели и ждали своей очереди. Большинство выпивали по одной чашке. Но даже в страшном сне Матвей не мог себе представить, что ради одного человека он будет семь раз мотаться между гримёркой и студией, столько же раз кипятить электрический чайник, заваривать пакетик, вынимать, укладывать на блюдце ложку и кубики сахара.

– Мам, семь чашек – это сколько получается? Вот эта банка, которую ты сейчас вымыла, литровая? Значит, он выпил литра два, не меньше. Как он не лопнул только?! Я бы, наверное, умер от такого.

– А кто это был-то? – мама наконец закончила возиться с посудой и под села к столу.

– Актёр один. Как его там?.. Забыл. На «сэ» начинается или на «кэ». Не помню. Бандитов играет и полицейских, большой такой, огромный прямо. Я боялся, под ним кресло в студии сломается, оно аж застонало. Думаю: ну всё, сейчас пол потрескается, и эта туша на нижний этаж вместе с мебелью провалится. Да ни фиги! Сидит себе, пыхтит, чай хлещет и потеет, как кабан.

– Моть, ну что ты так о взрослом и заслуженном человеке?

– Ладно. Спасибо, пойду я. Заниматься надо.

Так всегда: только начнёшь с родителями разговаривать как с нормальными людьми, они тут же воспитывать начинают. А потом нудят: ну почему ты нам ничего не рассказываешь?

А Димон так и не ответил и даже не прочитал. Получается, был друг – и сплыл. Да и пусть. В этот раз он плакать не будет, наплакался уже.

Агеенко улетели двенадцатого июля, и это был худший день за всю жизнь Матвея. Вернее, он так думал, пока не наступил сентябрь. А ведь пока длилось лето, всё вроде бы наладилось, насколько вообще могло наладиться в этой ситуации. С Димоном они списывались и созванивались по двадцать раз на день. Большую часть каникул Матвей провёл в Москве (за исключением двух недель с родителями в Анапе), так что рассказывать другу особо было нечего. Ну, трубы у них во дворе ремонтировали, вырыли на газоне две огромные ямы, и в одну из них съехала на тонких лапах маленькая собака. Склон крутой, земля осыпается, собака сидит внизу, голову задрала и смотрит круглыми глазами. А хозяйка, заполошная тётка, поверху бегаёт, верещит: «Арчи, деточка, не бойся! Арчи, солнышко моё, я тебя спасу!» Шаг вперёд сделала, плюхнулась на задницу и съехала вниз, как по горке зимой. А Арчи, кажется, и не боялся совсем. Он, может, специально в траншею спрятался, чтоб хозяйкиного визгливого голоса не слышать.

Когда Матвей эту историю Димону рассказывал, тот хохотал так, что со стула свалился и телефон выронил. Поэтому видно ничего не было, а только слышно, как Димка хрюкает и икает от смеха.

После, когда Димон успокоился, провёл Матвею видеоэкскурсию по своему новому дому. Ходил везде с телефоном, показывал. «Вот, – говорит, – гостиная, телевизор вчера купили и диван. Я сам выбрал расцветку – как футболка, которые у нас с тобой одинаковые. Теперь кухня. Дурацкий цвет у мебели, да? Но маме нравится. Раковина как в американском кино – возле окна. Можно мыть посуду и смотреть, как у соседей на лужайке девчонка с собакой играет. Сейчас их там нет, но я тебе потом фотку пришлю: собака точно такая, как твой папа говорил, – лабрадор! Представляешь? Может, потом и мы заведём. А вот моя комната, на втором этаже. Небольшая, но это ничего. Стол, кровать и шкаф помещаются. Туда в угол думаем книжный стеллаж поставить, в выходные поедем покупать. А там в окне – вышка для флага. Не видишь? Потому что далеко. Ну ладно, потом фотку пришлю. Это на школьном стадионе. Я ходил туда, смотрел, как пацаны в футбол играют, только не в наш, а в американский. Не, я пока ни с кем не познакомился. Не хочется что-то...»

Было приятно, что Димка не торопится заводить новых друзей, хоть эта приятность немного пахивала подлостью. Димону там всё с нуля начинать: и школа новая, и одноклассники; всё вокруг незнакомое, ко всему нужно привыкать, даже, наверное, к еде. А Матвей – дома. Деймон уехал, но в классе есть нормальные пацаны, можно подружиться с кем-нибудь. С Вовкой Охотниковым, например, или с Серёгой Ячным. С Ячным даже лучше.

Все оптимистичные планы рухнули в первый же день. Матвей, наверное, и сам был виноват: подставился. Не стоило приходить в школу с похоронной рожей. Но ещё на линейке ему

стало так муторно, что на хлопанье одноклассников по плечам и ржание над их идиотскими шутками не было сил.

Окончательно он сломался на уроке истории. Их бывшая историчка, та самая, что придумала им с Димоном прозвище, вернулась в школу после двухлетнего (кажется) перерыва. Вошла в кабинет с улыбкой, сказала, что соскучилась и что теперь, когда её ребёнок начал ходить в детский сад, она будет очень рада три раза в неделю видеть свой любимый класс. Прошла по рядам, с каждым, кого помнила, здоровалась, а с новенькими и с теми, кого подзабыла, – знакоилась заново.

Некоторые, кстати, так изменились, что и Матвей смотрел на них, как на пришельцев. Катька проколола в каждом ухе по три дыры, Игорёк накачался и побрился налысо, а Ольга стала выше всех девчонок в классе и покрасилась в розовый. Просто не узнать её. А когда-то ходила с Матвеем в один детский сад и была похожа на персонажа манги, только со светлыми волосами.

Но Матвея историчка узнала сразу. Подошла, уставилась на свободное место рядом с ним и говорит с ехидной улыбочкой:

– Мэтт, я вижу, на месте. А Деймон где? Неужели опаздывает? Вы, похоже, за время моего отсутствия изменили своим привычкам и ходите теперь по одному. Или его на съёмки в Голливуд срочно вызвали?

Пустое сиденье рядом с самого утра представлялось Матвеем чёрной дырой, в которую провалился Димон. Глупость, конечно, но он по-настоящему чувствовал, как оттуда тянуло холодом и морозило правую руку и щеку. Мёрзло даже ухо. Может, потому, что перед первым сентября мама отправила его в парикмахерскую и там неприятная тётка с холодными руками изуродовала его, как бог черепаху (такое определение стрижке дал Илья, и Матвей в кои-то веки искренне согласился со старшим братом).

За три часа он почти привык к тому, что некого тихонько пихнуть ногой, если стоящий у доски ляпнул глупость. Что не с кем сверить ответ уравнения. Что никто посреди урока не сунет ему в руку шоколадную ириску. Интересно, а в Канаде они есть – эти липкие, выковыривающие пломбы конфеты, которые Матвей не любил, но ел, потому что Димону они нравились?

На словах исторички про Голливуд все заржали, и только Ольга, обернувшись со своей парты, посмотрела на Матвея с сочувствием. А он, не поднимая головы, попросил разрешения выйти.

Он был уверен, что никто ничего не заметил, но на перемене, проходя по коридору, услышал сказанное полущёпотом «Тётя Мотя». Один голос, потом ещё один, и опять: уже почти мужские и ломкие, хрипло-петушиные. Громче всех прозвучал совсем писклявый голосок, будто в толпу подростков затесался первоклассник. Принадлежал он Серёге Ячному, которого ещё вчера Матвей считал нормальным пацаном.

Ячный всю жизнь, с первого класса, был самым хлипким и тощим. Он, кажется, совсем не рос, выглядел сейчас лет на двенадцать, не больше, и уже три года носил одну и ту же синюю куртку (если только родители не купили ему одинаковой одежды на всю оставшуюся жизнь).

Услышав голос Ячного, Матвей в первую секунду даже посочувствовал ему: такому маленькому и жалкому, наверное, ничего не остаётся, как прибиться к кому-нибудь. Иначе – слишком страшно. Но Ячный почти без паузы повторил: «Тётя Мотя, Тётя Мотя! Платочек дать, слёзки вытереть?» Стоящие рядом пацаны загоготали, и уверенный низкий голос (через буханье сердца в горле, в ушах, во всём теле Матвей его сначала не узнал) одобрительно сказал: «Смотрите-ка, Ячный у нас нормальным челом становится. Возьмём его? Приходи вечером на Крышку, Серёга».

Пустырь за гаражами, где вечно кто-то тусил, называли Крышкой всю Матвееву жизнь, задолго до того, как рядом с ним появились крытые зелёным пластиком машиноместа. Может, потому, что посреди пустыря торчал бетонный колодец с неподъёмным чугунным люком. Если смотреть на конструкцию издалека, она была похожа на горлышко огромной бутылки, зарытой в землю. Матвей с Димом на Крышку не ходили – незачем было. Да их и не звали, по правде говоря.

«Тётя Мотя!» – снова пискнул Ячный, и Матвей развернулся к нему, сам не зная зачем. Можно было, конечно, вмазать ему с размаху, впечатать в стену, вбить кулаком в рот ненавистные звуки. Драться Матвей не любил, но считал, что умеет. К тому же справиться с Ячным, который был на голову ниже и килограммов на пятнадцать легче, не стоило вообще ничего. Ткни его пальцем – он и зайдёт. Только что это изменит?

Весь класс давным-давно был в курсе, что он ненавидит проклятую «Мотю» до трясушки и злых слёз. Так обращаться к себе он позволял только родителям и брату, да и то от безысходности. Как им запретишь?!

Димону он тоже разрешил. Потому что Димон был почти братом, а может, даже лучше. Но ни разу, ни разу, ни разу тот не назвал Матвея Мотей! И остальных отучил: пару раз цыкнул на одного, дал подзатыльник другому, погрозил кулаком третьему. И постепенно дурацкое прозвище все забыли – так думал Матвей до того самого дня, первого школьного дня без лучшего друга.

– Ну что, Палеев, будешь Ячного бить? Докажешь, что ты мужик, а не Тётя Мотя? – уверенный голос, как можно было сразу догадаться, принадлежал Максиму Раскатову, самому высокому и сильному в классе. Учился Макс так себе, не лучше Матвея, но вёл себя как самый умный. – Вот, кстати, будет вам обоим испытание: Палеев пусть двинет Ячному, Ячный даст сдачи, а мы посмотрим. Выдержишь, Тётя Мотя, – тоже можешь вечером прийти на Крышку. Так и быть, подберём тебя, раз дружан твой тебя кинул.

Матвей стоял перед Ячным, смотрел ему прямо в лицо. Серёга, вопреки ожиданиям, глаза не опустил, но его зрачки метались туда-сюда, как испуганные крысы в клетке. Подумав

немного, Ячный сжал кулаки, выставил их перед грудью, будто собирался боксировать. Это было смешно, и Матвей рассмеялся: и над Ячным, и над собой, таким же ничтожным, ни на что не годным без кого-то сильного рядом. Оказывается, его не трогали только из-за Димона. А теперь его нет – ни в этой школе, ни в этом городе, ни в стране. Ни в убогой Матвеевой жизни.

– Ну что, Палеев? Давай уже, а то звонок скоро.

Кажется, вокруг них собрались все. Стояли, смотрели. Одни скалились, как акулы, другие спокойно ждали развязки.

– Оставьте его в покое! – пробравшись через толпу, рядом с Матвеем возникла Ольга. – Матвей, они тебе что-то сделали? Пойдём отсюда, а?

– О! У Тёти Моти новая защитница объявилась! – Раскатов оживился. – Серьёзно, Палеев? Спрячешься за спину девчонки? Хотя она ничего...

– Да пошёл ты! – выкрикнул Матвей в лицо Макс. – И ты отстань, чего лезешь, куда не просят!

Он буром прошёл через толпу и, не оглядываясь, направился к выходу. Ольга осталась где-то сзади и ничего не сказала, а Макс крикнул в спину:

– Палеев, надумаешь Ячному в морду дать – приходи на Крышку!

Ничего этого Матвей Димону не рассказал. И в школе он больше не появлялся: не потому, что боялся Макса, а просто не шли туда ноги. Утром, когда все собирались на работу, тоже изображал активность: вставал-умывался-одевался, иногда даже выходил из дома, но потом возвращался, ложился на свою кровать и спал. Когда звякал телефон, просыпался, отвечал Димону.

У друга, кажется, всё было хорошо. В школу в этом году пришло много новичков, в том числе русских. Учиться было легко: «Я даже не ожидал, что почти всё буду понимать!» По выходным они с родителями осматривали город, и Димка слал гигабайты фоток и видео, которые Матвей поначалу скидывал в родительский комп, а потом стал удалять сразу после просмотра. Интересно, рассказал Димон кому-нибудь из новых приятелей про него, Матвея? Про лучшего друга, который остался за океаном и жизнь которого развалилась на такие мелкие кусочки, что вряд ли когда-нибудь соберётся в единое целое?

Безнаказанно прогуливать уроки удалось всего три недели. Он так и не понял, почему в школе его не хватились раньше. Видимо, никому не пришло в голову, что Палеев на такое способен. Но потом классная забеспокоилась, не слишком ли долго Матвей болеет, и позвонила маме; та, в свою очередь, потребовала, чтобы папа пораньше пришёл с работы – «для важного семейного разговора». Как назло, Илья в тот день тоже явился домой не к полуночи, а прямо к ужину.

Мама, как настоящий разведчик, молчала до последнего. Разогрела еду, всех покормила, налила чаю. Но когда Матвей, с трудом осилив половину привычной порции и традиционно отказавшись от пряников, собрался идти к себе («уроки надо делать»), мама его остановила:

– Мотя, останься, пожалуйста, нам надо кое-что обсудить.

Все разговоры родителей с непослушными детьми похожи друг на друга. Матвей понял это давно и даже вычислил три обязательных этапа разборок.

Первый: всё тайное становится явным, и мы всё знаем.

Второй: да как ты мог, мы для тебя стараемся, а ты скотина неблагодарная (Матвея, правда, так никогда не называли, но смысл от этого не менялся).

Третий: мы готовы тебя простить, если ты пообещаешь, что больше так не будешь.

И в тот раз накатанная схема не подвела. На первом этапе солировал папа – в своей обычной витающей манере. Он пускался в рассуждения о шиле, которого в мешке не утаишь, рассказывал о таинственных преступлениях, которые были раскрыты благодаря единственной ошибке вора или убийцы. Закончил же тем, что начал успокаивать Матвея: дескать, теперь тебе должно стать легче, потому что не нужно ничего скрывать.

Тут не выдержала мама и приступила ко второму этапу. Она не кричала, а только сокрушалась. Упоминала цистерны супов и тонны котлет, которые наварила и нажарила Матвею за его жизнь. Рассказывала, какие гладкие были у него пяточки и какой смешной хохолок, когда он родился. И как долго он не выговаривал звук «р», так что мама в бурю и мороз водила его к платному логопеду, вместо того чтобы купить себе новые сапоги.

Когда мама устала рассказывать о своих подвигах в деле воспитания Матвея, вступил Илья. Свою речь он начал со слов «ну, по крайней мере, ты должен был выспаться». После заверил, что понимает Матвея, как никто другой, потому что один раз тоже прогулял целый урок (мама в ужасе расширила глаза, а папа улыбнулся). Но теперь, сказал Илья, нужно всё вернуть в нормальное русло. И если завтра Матвей пойдёт в школу, то никакого наказания не последует. Илья посмотрел на родителей, мама снова расширила глаза, а папа пожал плечами, и брат поправился: «Никакого серьёзного наказания. Гильотины у нас всё равно нет, а покупать её, боюсь, обойдётся слишком дорого».

Наконец все выговорились и ожидающе уставились на Матвея.

А ему было безразлично. Папины утешения, мамины переживания и шуточки Ильи его не трогали, не возмущали и не расстраивали. Он всё решил ещё первого сентября: в школу он не вернётся. Так он им и сказал – и добавил: «Можете меня даже убить. Мне всё равно». А потом ушёл в свою комнату и лёг, накрывшись одеялом с головой.

Когда он проснулся, за окном была непроглядная чернота. Телефон, лежащий рядом, моргал зелёным: наверное, Димка прислал очередную порцию рассказов о своей интересной жизни. Открывать мессенджер Матвей не стал: боялся, что со злости швырнёт телефон в стену. Нет, он был рад за друга и убеждал себя в этом каждый раз, когда видел на экране его лицо, знакомое до последней веснушки и шрама на краешке правой брови. Но от мысли, что без него Димон счастлив и вполне доволен жизнью, Матвея скручивало судорогой.

Очень хотелось пить. Он потихоньку встал и босиком, чтобы никого не разбудить, пошёл на кухню. Дверь туда была закрыта, из-под неё пробивался свет и слышались голоса.

– Ну кто знал, что он такой нежный? – голос Ильи. – Ну уехал Дима, так это было известно заранее. И уехал же, не умер!

– Тихо ты, разбудишь! – мама говорит шёпотом, но получается громче, чем у брата. – Мотя всегда такой был. Помните, как он плакал над мультиком про оловянного солдатика? А как жалел бездомных котят, когда мы ездили на море? Засовывал в карманы колбасу и сыр, я потом еле отстирала – все шорты жирные. А с водой там проблемы были, помните? Не очень-то постираешь.

– Таня, не отвлекайся, – в папином голосе слышна улыбка. – Все знают, как тебе тяжело, но сейчас речь о Матвее. Я вот хочу сказать: он ведь очень умный у нас. Я думаю, его проблемы с учёбой – какое-то недоразумение. Просто он пока не нашёл себе дело по душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.